Николай Бульботка

Танго «Дождь идет»

Николай Бульботка

Танго "Дождь идет"

«Автор»
2026

Бульботка Н.

Танго "Дождь идет" / Н. Бульботка — «Автор», 2026

ВОВ. Сентябрь 1942 года. Нашей разведке становится известно о планах противника провести на своей территории, в лесном массиве под Кенигсбергом, довольно странную операцию под руководством опытного диверсанта, майора вермахта Хааса.По сообщению надежного источника исход этой операции может изменить весь ход войны...

© Бульботка Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Сом 6
Глава вторая. Паук 12
Глава третья. Любовь 25
Глава четвертая. Суровая необходимость 31
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Николай Бульботка
Танго "Дождь идет"

Посвящается моей матери Нине Николаевне Воробьевой

Глава первая. Сом

ПОДМОСКОВЬЕ.
09 ИЮНЯ 1941 ГОДА 09 ЧАСОВ 25 МИН

Лес дышал тишиной. Пение птиц, жужжание шмеля, стрекот сверчков сливались в ровный, убаюкивающий гул. Где-то высоко шелестела листва, а сквозь этот шёпот время от времени прорывался гулкий перестук дятла. Казалось, весь мир замер.

Но нет. Над невысоким кустарником мелькнула синяя фуражка с лиловым околышем. На земле, преклонив колено, сидел капитан НКВД Андрей Кряжев. Тридцать пять лет, коренастый, крепко сбитый. Чёрные брови вразлёт, жёсткие волосы, стриженные под полубокс. В чертах лица угадывались материнские корни — она была на четверть тунгуской: широкие скулы, прямой, будто выточенный нос, чуть обветренная кожа землистого оттенка — след частых командировок, а не штабной жизни.

Родился он в Сибири, в семье охотника, детство, проведенное в тайге, наедине с природой наложило отпечаток не многословия и скупых проявлений эмоций; опытный и инициативный оперативник, однако, в отношениях с женским полом чувствует себя не в своей тарелке, и потому старается держаться от них подальше.

Кряжев сидел, не поднимая головы, и сам себе казался частью этого леса — неподвижной, терпеливой, почти безмолвной.

В памяти всплывали уроки отца: в тайге учат слышать тишину, различать шаги по хрусту веток, чувствовать запахи дождя, дыма и пороха за пять вёрст. «Тишина — это тоже голос», — повторял отец. Сейчас эти слова звенели в голове, перекрывая даже далёкий стук дятла, который снова раздался где-то в глубине леса, словно подтверждая, что мир всё ещё жив.

Андрей коснулся пальцами земли — она была холодной и влажной. На мгновение ему показалось, что он снова тот мальчишка, что прячется за стволом лиственницы и ждёт, когда мимо пройдёт олень. Но осторожный хруст ветки вернул его в реальность. Оленей здесь не было. А вот след — был. Свежий, но нечёткий, больше похожий на отпечаток резинового сапога. Возможно, рыбака. Но два часа назад здесь его не было.

Кряжев осторожно поднялся и вышел на тропинку. Отсюда открывался вид на лесное озеро — оно изгибалось, словно широкий бумеранг, и тянулось почти на два километра. Андрей двинулся дальше, вглядываясь в местность. Услышав приглушённый плеск, он замер, затем свернул с тропинки и, ступая с пятки на носок, бесшумно пошёл к воде.

Солнце уже прогрело воздух. Остатки тумана не висели тяжёлыми клочьями, а тянулись над водой тонкими нитями, будто неохотно расставались с ночной прохладой. Водная гладь была чистой и прозрачной. У берега неподвижно стояли камыши с сухими верхушками. В отмелях мелькали тени рыб, а у кромки темнели камни, обросшие скользким мхом.

Кряжев сделал пару шагов вправо, резко развернулся и пошёл налево. Через десяток метров он припал к сырой земле и тронул надломанные травинки — они пахли лесом и горьковатой свежестью, на них ещё блестели капли росы, похожие на крошечные осколки стекла. Ещё

через несколько метров в траве он заметил небольшую тёмную деталь размером с полмизинца. Осмотрев её, спрятал в карман.

Внезапно Кряжев присел, торопливо снял фуражку, ремень, китель и сапоги. Оставшись в галифе и майке, он резко встал и с разбега нырнул в воду «ласточкой».

Через десять секунд над поверхностью показалась его голова. Он сделал глубокий вдох и снова ушёл под воду. На этот раз его не было секунд тридцать. На поверхности лопались пузыри. Ещё немного — и из воды показалась рука, а следом и голова Кряжева. Он с усилием тянул что-то из глубины; было видно, что ему приходится бороться.

Андрей Кряжев, сын таежного охотника-красноармейца, получившего от командования именной американский винчестер за уничтожение, двух пушечных расчетов белых, в гражданскую, под Волочаевкой, едва не «скосивших» шрапнелью, в разгаре атаки, всю его роту.

Он помнил, как в семь лет на большом таёжном озере его схватил за ногу огромный сом и потянул под корягу. Тогда он не растерялся: держась за свисающие с обрыва корни, несколько раз ударил монстра пяткой по глазам и выплыл. Сейчас ему снова приходилось бороться — но уже не с рыбой.

Через пару минут мокрый Кряжев волоком вытащил на берег неизвестного мужчину лет сорока. На том был толстый шерстяной свитер, английский бинокль на ремешке и высокие резиновые рыбацкие сапоги, из которых сочилась вода.

После короткой схватки, в которой оба не произнесли ни слова, Кряжев рывком поднял задержанного на ноги и защёлкнул наручники у него за спиной. Тот не дёргался, не пытался вырваться — он замер, будто воспринимал это неудобство как досадную формальность.

У «водяного» были длинные пальцы с аккуратно подстриженными ногтями, но кожа на костяшках — грубая, будто он не только перебирал бумаги. Он чуть морщился — не от боли, а от неудобства: ему было непривычно не контролировать ситуацию. Но осанка оставалась ровной. Даже мокрый, с прилипшими к лицу прядями волос, он держался так, будто стоял не на илистом берегу, а в приёмной своего английского клуба. В лице читалась жёсткость человека, привыкшего отдавать приказы и отвечать за чужие жизни. Узкие, ухоженные усики выглядели не как каприз моды, а как часть строгого порядка, который он соблюдал даже в мелочах.

На запястье у него были часы на кожаном ремешке. Циферблат запотевший, стрелки будто замерли в момент падения в воду. В этом виделся почти символический смысл: время для него «остановилось» в момент провала.

ЛУБЯНКА.
09 ИЮНЯ 1941 ГОДА 12 ЧАСОВ 11 МИН

Высокий потолок с вычурной лепниной. Плотные шторы. Приглушённый свет настольной лампы. На столе — папки, блокноты, карандаши, разложенные с пугающей точностью: будто предметы боятся шелохнуться. Даже воздух здесь казался «утрамбованным» дисциплиной — ни сквозняка, ни случайного шороха.

В кабинете Берии — двое. Сам нарком в чёрном костюме и белой рубашке с галстуком сидел за широким столом, почти неподвижно, как изваяние. В пенсне с золотой оправой он склонился над блокнотом и что-то помечал. Напротив, вытянувшись по стойке «смирно», стоял комиссар госбезопасности третьего ранга Павел Крапивин: высокий, статный и сдержанный.

Берия сидел не поднимал головы. Он усвоил ещё с первых дней рядом со Сталиным: дисциплина начинается с порядка на столе. Владение информацией было его сферой ответственности — и не только о Союзе, но и о противниках, нейтральных странах, их настроениях, операциях и замыслах. И тут была брешь, о которой он не докладывал Кобе: в вермахте советские агенты не занимали значимых должностей, а вот англичане подобрались к германскому генералитету куда ближе.

Теперь появился шанс подобраться едва ли не к самой верхушке британской разведки. Волны сообщений о нападении Германии на «союз» нарастали с каждым днем. Сталин всецело доверял подписанному пакту о ненападении с Гитлером, и донесения агентов, с предупреждением о начале войны, начиная с мая 1941 года, с указанием все новых и новых дат, его раздражали. Приходилось принимать меры, чтобы особо ретивые, но не самые ценные «предсказатели» понесли наказание. Но, сам Берия от этих волн угрозы войны увернуться не мог – они нарастали с каждым днем.

Даже после подписания договора о ненападении между Германией и СССР невозможно было закрывать глаза на количество войск вермахта, сосредоточенных на советско-германской границе. Реальная информация была необходима как воздух.

Слово «Сом» Берия подчеркнул в блокноте дважды.

Наконец он поднял голову, сквозь пенсне, долго и проницательно посмотрел на Крапивина.

— Я ждал вашего доклада ещё полтора часа назад.

Затем в голосе мелькнуло что-то похожее на одобрение:

— Хорошо порыбачили, товарищ Крапивин. Жирного выловили… шпиона. Как он там — воспаление лёгких не грозит?

Крапивин чеканил каждое слово:

— Оклемался, товарищ нарком. Вполне здоров. С ним уже работают.

— Значит, он, как сом, сидел под корягой?

— Держался руками за корягу и дышал через тонкий резиновый шланг.

Берия осторожно смахнул с края стола пылинку.

— Только аккуратно… всё из него выпотрошить, по-новому набить и опять в Англию. Пусть теперь у них поплавает.

Через полчаса Крапивин спускался по лестнице к вестибюлю. За ним, почти вплотную, шёл Кряжев.

Месяц назад, вступив в новую должность, Крапивин решил отобрать двух офицеров с нестандартным мышлением для специальных поручений. Из трёх десятков дел он выделил несколько неординарных кандидатов — в том числе Кряжева. Тот выгодно отличался от других: хорошая физическая подготовка плюс навыки таёжного охотника.

Сотрудник кадрового отдела — мешковатый старлей в годах — вернулся за уже просмотренными делами. Неловко схватил стопку прошнурованных папок, и они выскользнули у него из рук, рассыпавшись по полу.

Среди разлетевшихся бумаг оказалась фотография Кряжева в форме капитана НКВД. Старлей, сперва расстроившись, бросился собирать бумаги, а фотографию поднял уже с посветлевшим лицом.

От Крапивина этот момент не ускользнул.

— Вам знаком этот офицер?

— Да… но мы пересеклись всего один раз. Случайно.

— Когда?

— Два года назад.

— Где?

— Да так… ничего необычного. В очереди на получение жилья.

— Я внимательно слушаю, расскажите. Мне это нужно.

Старлей помялся.

— Тогда появилась возможность сменить общежитие на более приличные условия. У меня семья — жена и ребёнок. Если капитану в то время светила только коммуналка, то мне предлагали полдома, но через месяц. Я просто попросил у него совета.

Крапивин благодушно улыбнулся:

— Надеюсь, он посоветовал взять полдома. У вас же семья.

— Нет. Он сказал брать коммуналку. Я прислушался. А тот дом… он через неделю сгорел.

Напряжение, после доклада у Берии, спало, и Крапивин, был, теперь в приподнятом настроении.

«А с другой стороны - дилемма: вернувшись опять на озеро, капитан, нарушил мой приказ - и это уже во второй раз... И ведь, наверняка, давал себе отчет - чем это может закончится…?!». И тут же к Кряжеву:

— Ну, как ты — уже обсох?

Андрей, коротко сняв фуражку, пригладил волосы у висков:

— Так точно!

— И как ты нашёл то место… да ещё и догадался, что он в озере? Ума не приложу. Кряжев, ты что, медиум?

— Там у берега были надломаны травинки. Рядом я нашёл короткий обрезок резинового шланга.

— Два дня отдохни. И без возражений.

— Есть два дня отдохнуть!

Павел Крапивин производил впечатление человека из «бывших спецов»: высокий лоб, узкий подбородок, немногословность и эта особая сдержанность, будто внутри всегда сжата пружина. Вышел он из династии известных самарских врачей, выпускник медицинского факультета Саратовского университета, всем сердцем принял Революцию. В гражданскую был назначен начальником санитарного поезда, и несколько раз руководил его обороной от прорвавшихся отрядов белых и разношерстных банд, не признававших ни белых, ни красных.

В 1920 году Крапивин, прибыв с обозом, за ранеными красноармейцами, в стрелковый полк перед наступающим добровольческим корпусом генерала Кутепова, узнает, что руководство, состоящее из «бывших спецов» сбежало, командиры подразделений деморализованы и обороной руководить некому. Взяв под арест паникеров и пораженцев, он принимает на себя руководство. Грамотно построив оборону, и выставив на флангах пулеметные гнезда, перекрестным огнем, положив треть наступающей кавалерии белых, заставил противника повернуть назад.

Руководством были замечены незаурядные лидерские качества Крапивина. Окончив с отличием в 1933 году военно-техническую академию РККА, был направлен как, преподаватель в Военную академию РККА имени М. В. Фрунзе. В 1939 году Крапивина послали на усиление сначала в МУР, где проявились его аналитические способности и, затем, перевод на Лубянку, в НКВД.

Крапивин и сам до конца не понял, как он оказался на Лубянке раз, и в прямом подчинении у наркома Берии два. Хотя понятно, что после разгрома троцкистов освободились должности во многих ведомствах, в том числе и НКВД. Сторонники и сочувствующие идеям Троцкого выявлялись и по сей день. Крапивин поддерживал эту жесткую линию по их выявлению, хотя, пора было уже ослабить прессинг – не то уже недалеко до атмосферы всеобщего страха и подозрительности во всем. Но, пока все было оправдано – в Европе намечалась грандиозная драка и к ней мы должны подойти единым, стальным, слаженно работающим механизмом. Это все Крапивин понимал, но почему Берия выбрал его, а не кадрового военного – это конечно еще тот вопрос, на который у него не было ответа.

После поста охраны, у выхода из здания, Крапивина окликает, стоящий на вытяжку майор милиции, Федин Григорий Лукич, пятидесяти пяти лет, плотного телосложения, с короткими "буденовскими" усами, а Кряжев выходит из здания.

Григорий Лукич, прислонив ладонь к виску, громко.

— Товарищ комиссар Государственной Безопасности третьего ранга разрешите…

Крапивин, кинув на майора недовольный взгляд, жестом показывает ему на выход, Федин выходит следом за ним.

Перед переводом, с повышением на Лубянку, Крапивин два года служил в МУРе под руководством майора Григория Лукича. Федин не просто "горел" - он жил своей работой, и каждый промах подчиненных, воспринимал как свой. Порой, для решения поставленных задач, шел напролом, не соблюдая субординацию: стучался в высокие кабинеты, получал взыскания, но "мытьем и катаньем" результат раскрытия преступлений выдавал высокий - порученные ему, особенно громкие дела раскрывались. Но, в последнее время два "висяка" основа-

тельно подмывали под ним почву — неуловимые фальшивомонетчики на Тишинке и расстрел инкассаторов на Чистых прудах.

Глава вторая. Паук

Через пять минут Крапивин и Григорий Лукич уже были на заднем сиденье в автомобиле Крапивина. Его водитель, подтянутый офицер, лет тридцати, в звании старшего лейтенанта НКВД курил на противоположной стороне переулка.

Крапивин несколько раздраженно.

— Григорий Лукич, Гриша… ты чего творишь? Ты на прием запишись!

— Некогда, Павел! Горю я… синим пламенем!

— Ну, говори, что?

— Паш, там – на лестнице, в вестибюле… это был твой человек?

Крапивин, молча посмотрел на Григория Лукича.

Григорий Лукич, с жаром.

— Дай мне его сегодня … до вечера!

— Ты понимаешь – о чем просишь?

— Я все понимаю, но, если у меня опять сорвется операция с фальшивомонетчиками – ты сам знаешь, что будет. Паш, выручи! Я уже всех своих и чужих пересмотрел – не один не похож, к тебе решил – может что посоветуешь, и вдруг смотрю и глазам не верю – рядом с тобой… нужное мне лицо – вылитый посредник, он как никто похож на Фрукта! Вот взгляни, - показывает фото Фрукта.

Крапивин бросает взгляд на снимок авторитетного уголовника, и повертев, в руках фото-карточку, через паузу.

— Ну, я бы так сразу не сказал, но сходство есть.

Федин, клятвенно прижимая руку к груди.

— Вечером верну! Ему только войти в ресторан и посидеть там пару минут за столиком. Все! - Крапивин колеблется.

Простой и прямолинейный на вид, Григорий Лукич, обладал редким качеством - интуицией на хороших людей, которая его никогда не подводила,

Для тех, кого он впустил в свою душу, он, готов был на все: разбиться для них в лепешку, вместе пойти в разведку, закрыть собой от вражьей пули, и даже обойти закон, и не важно на какой он должности: оперативник, шофер или генерал.

Но, и сам по отношении к тем, кого впустил в свой мир, ждал того же - если не больше: Федин мог непосредственно, как ребенок, попросить или даже потребовать необходимой ему услуги, как правило, для решения поставленных руководством, перед ним, задач, приведя для ее получения неопровержимые, хотя, порой, и нелепые доводы, которые близкие ему люди, по его мнению, не могли не понять, уже потому что они, в его понимании, были с ним единое целое, а целое, как известно, само себе противоречить не может.

Возможно, таким образом, все люди, в его философских размышлениях, через какое-то время, в конце - концов, через друг – друга должны объединиться и жить, как братья, в мире и согласии, что, никак, не входило в противоречие с построением коммунистического общества.

Федин шел напролом, он был уже в своей игре и его уже было не остановить.

— Вспомни, как мы братьев-головорезов в Хлыновском переулке, по утру, взяли – они даже пикнуть не успели, а все – липовая Варька-молочница! Ты ведь сам тогда предложил эту идею. Помнишь?

Тем же вечером Кряжев, одетый по гражданке, в темном, в едва заметную полоску, однобортном, свободном костюме, уже сидел в легковой машине майора Федина в безлюдном переулке. — «Давненько я не был в ресторане – надоела уже эта жареная, холостяцкая картошка

на примусе. Посмотрим, что за блюдо этот майор сегодня приготовил по заказу… Крапивина, - Андрею этим поручением необходимо было окончательно закрыть неудачно проявленную инициативу на предыдущей операции, месяц назад, - «Хотя, как неудачная – фантасмагория какая-то или чертовщина… и в рапорте этого не напишешь.

Он на секунду застыл, как тогда на берегу, почти не подвижной, безлюдной речушки, Чуйки, в Белоруссии, где по заданию Крапивина должен был забрать у связного, со стороны немцев, секретные документы.

Тогда он, на минуту, обогнул речной поворот, и высокий ивняк, на миг, закрыл от него поляну, с рыбацким шалашом, связного. И в это мгновение, чистое небо, без единой тучки, вдруг, резануло ослепительной вспышкой. Андрей в тот момент даже не успел ни о чем подумать — просто замер, вжавшись в тень ивы, и на долю секунды ослеп от этого неестественно белого света. Молния ударила не в дерево, не в воду — она будто сошлась в одной точке над поляной, за ивняком, как остриё, вонзившееся в землю. Грохота не было — только резкий, сухой треск, похожий на то, как ломается сухая ветка под сапогом, только в тысячу раз громче. Воздух сразу стал тяжёлым, густым, с резким запахом озона, от которого першило в горле.

Но, еще до того, как добежал до обугленного связного и обнаружил только пепел от необходимых ему документов, в оплавившимся портфеле, в ивняке промелькнула странная черная тень - не то собаки, не то обезьяны, и исчезла в подступающем к нему ельнике.

Странно было еще то, явных следов, непонятного существа, Кряжев тогда так и не обнаружил.

Андрей отодвинул, в сторону, неприятный осадок от подступившего воспоминания — «Главное сейчас, максимально оправдать доверие, промашка… не принимается.» - он расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке — "Ладно, без галстука - не могу я их завязывать".

Григорий Лукич, сразу, нутром, почувствовал, что этот капитан на особом счету у Крапивина. «А если с ним что случись… как бывало, и не раз, на простых операциях. Второго такого «большого человека» как Паша в подчинении самого Берии больше не будет. Как не будет… и второго шанса взять банду. А там… и до служебного несоответствия рукой подать. С другой стороны - если он... грамотный оперативник, и «котелок варит» в нужном направлении… а так ничего необычного не вижу – похож скучающего клиента в ресторане в ожидании холодной закуски – и это хорошо».

Григорий Лукич, повернувшись к Кряжеву.

— Еще раз: заходишь в ресторан, говоришь метрдотелю: "У меня бронь на девятый столик". Проходишь, садишься, закажешь там… чего-нибудь, а рядом, на стол, положишь этот портсигар с вензелем. И дальше – к тебе подойдет человек, и спросит: "Товарищ, у вас закурить не найдется?". Ответить: " Я не курю, но хорошего человека могу угостить". У этого человека на тыльной стороне правой ладони будет наколка в виде паука. Угостишь его из портсигара, вот этой папиросой, и ты свободен – можешь через пять минут расплатится и выйти.

— Что в папиросе?

— Там… адрес, куда они доставят партию фальшивых купюр для обмена на "брюлики"… бриллианты.

Кряжев, в недоумении.

— Уж слишком… просто. И в людном месте? Странно…

— Вот и я об этом… но другой зацепки нет.

— Откуда эта информация?

— Да есть один… "сливает" нам иногда, картавый такой, шестерка, по кличке Флюс.

— Он в банде фальшивомонетчиков?

— Нет, в другой – промежуточная группировка, но мы их пока не трогаем из-за этого Флюса, - кидает взгляд на одежду Кряжева, - Прикид у тебя нормальный, - смотрит на часы, - Так… у нас полчаса…

Неожиданно, в боковом окне водителя появляется голова флегматичного оперативника Корнеева, в штатском, крепкого телосложения, с низким тягучим голосом.

— Товарищ майор, Фрукт должен прийти в ресторан со своей новой пассией!

Григорий Лукич, непонимающе.

— Какой еще пассией?!

— Флюс только, что позвонил – какая-то начинающая певичка… и еще… она должна выйти на сцену и… спеть.

Гробовая тишина.

Григорий Лукич, с горьким сарказмом, взрывается.

— А, станцевать?!

Оперативник, с трудом, выдавливает.

— Сказал – только спеть.

— Корнеев, вот… ты всегда в последний момент срываешь мне операции!

Корнеев, зная вспыльчивый, но отходчивый, темперамент своего начальника, скорее успокаивающе, прогудел.

— Ну, товарищ майор – я-то здесь причем?!

— Ладно, иди, - выдохнул Федин упавшим голосом, - Все… операция отменяется.

После напряженной, липкой паузы, Кряжев, невозмутимо открывает дверь, и выходит из машины.

— Я прогуляюсь.

Григорий Лукич, почти безнадежно.

— Далеко?

— Нет. Есть одна мысль. Я скоро.

Кряжев, дворами, из знакомого ему переулка, выходит на оживленную улицу— "Где-то здесь, недалеко, направо" - повернув за угол здания, он глянул наверх — "Да, тот же кованный, с узорами, балкончик на втором этаже".

Здесь, на втором этаже, два года назад, в предоставленной государством квартире, в рамках оборонного сотрудничества в танкостроительной области, две недели жил специалист из Германии. Неожиданно, стало известно, что он, нелегально, проявляет интерес к группе советских ученых, под руководством академика Иоффе, которые занимались теоретическими изысканиями мало правдоподобной чудо-бомбы огромной разрушительной силы.

Тогда, Кряжеву, обряженному в бородатого дворника, в качестве «топтуна», неделю пришлось мести улицу под окнами иностранного инженера. Однако, сразу, после подписания Мирного договора между СССР и Германией о ненападении, во избежание, недоверия и провокационных действий, с нашей стороны, наблюдение, пришлось снять.

Напротив, через дорогу, вывеска: Городской театр "Новая Колхида".

Кряжев заходит в театр и в вестибюле предъявляет удостоверение сонному пожилому вахтеру.

— Где у вас кабинет директора?

Вахтер, как по старинке, встрепенувшись, и приподняв мятую форменную фуражечку, почтительно, указывает рукой.

— По лестнице вверх и там налево.

Кряжев поднимается по лестнице на второй этаж. Ступени отзываются глухим, одиноким звуком, будто в пустом здании кто-то отсчитывает шаги.

Он идёт к кабинету директора, неожиданно, до него доносится возмущённый женский голос, резкий, как удар хлыста. Затем настежь распахивается дверь с табличкой «Директор

театра», и из кабинета, как фурия, появляется раскрасневшаяся молодая девушка, приятной наружности, двадцати пяти лет от роду, Алька — гибкая, хрупкая, изящная, эксцентричная, с правильными чертами лица, отчасти избалованная вниманием мужчин и потому знающая себе цену.

Через несколько шагов она резко останавливается, поправляет платье на груди, пунктирно проводит пальчиками по подобранным внутрь русым локонам до плеч, с рыжим отливом, поворачивая из стороны в сторону изящную высокую шейку на прямой, горделивой спинке, не жалея при этом эпитетов тому, кто остался в кабинете.

— Вот, мразь! Козёл облезлый, чуть платье не порвал!

Она встречается лицом к лицу с Кряжевым. Кряжев смотрит на неё спокойно, без любопытства, будто фиксирует деталь в протоколе.

— Вы актриса?

— Ещё вчера я мечтала быть актрисой, а сегодня - да пропади оно всё пропадом! - с вызовом бросает она. — А вы, наверное, главный режиссёр… этого дома терпимости?!

— Нет, я не из театра, но у меня к вам есть предложение, - он снова предъявляет удостоверение, и в тишине коридора этот жест звучит громче слов.

Из-за двери кабинета, придерживая рукой низ живота, с воплем «Вот, стерва!» появляется немолодой лысый, под шестьдесят, директор, но, увидев чекиста с «корочкой», меняется в лице, и в следующую секунду скрывается за дверью, тихо притворив её за собой.

Кряжев кивает на дверь директора.

— Может…?

— Да ладно — я ему хорошо врезала! — в голосе Альки ещё звенит ярость, но в глазах уже мелькает тень тревоги: она вдруг осознаёт, с кем только что заговорила.

Через двадцать минут, Кряжев, с Алькой под ручку, вразвалочку, шаркающей походкой, по мозаичному паркету, в вестибюле дорогого ресторана, подходит к дородному метрдотелю в черном костюме-тройке, и, смерив его взглядом, лениво ворочает языком.

— У нас бронь на девятый столик.

Метрдотель, глянув на обоих, через паузу, услужливо.

— Прошу за мной.

«В зале пахло так, будто роскошь имела свой запах: густой шлейф французских духов, тёплый воск на тёмном дереве, тонкий аромат свежих роз и едва уловимая пряность папирос Герцеговина Флор. Всё это смешивалось с запахом горячего мяса и свежеиспечённого хлеба, создавая ту самую атмосферу, которую нельзя было спутать ни с чем». Тяжёлые бархатные портьеры не просто отделяли зал от мира — они гасили любой уличный шум, и от этого разговоры за столиками звучали как заговорщицкие шёпоты.

Кряжев и Алька присели за столиком у стены, рядом со сценой. На белой скатерти, на видном месте, портсигар с вензелем. Через пару минут не молодая официантка, в белом переднике и чепце, с накрашенными бантиком губками, уже явно проинструктированная, без лишних слов, услужливо, расставила у них на столике: водку в графине, вино и закуски. Вечер только начинался. На сцене, в виде «ракушки», обрамленной горящими, не по всему периметру, лампочками, в ожидании заказов, как скучающие белые статуи, полукругом, сидели с инструментами в руках музыканты, изредка перекидываясь короткими фразами, в которых слышалась привычная усталость людей, знающих, что вечер будет долгим, и только баянист, заполняя паузу, качаясь в такт, выводил мехами, «Дунайские волны».

Официантка, та самая, с бантиком на губах, подошла бесшумно, словно её подошвы были обиты бархатом. Она не спрашивала, чего желают гости: видимо, инструкция была чёткой и

не оставляла места для вопросов. Молча подлила вино в бокалы, поправила салфетку, и снова исчезла, растворившись в полумраке между столиками, как тень, которая знает своё место.

Алька, так и не смогла сама себе ответить - зачем она согласилась на этот поход в ресторан? Казалось бы, ее авантюрное участие, со встречей с неизвестным бандитом, должно было посеять в ней тревожные ощущения. Но нет, напротив, с каждой минутой ее все больше и больше охватывал водоворот какого-то неуловимого праздника, как когда-то в детстве, под Рождество. Тогда, в темной, закрытой комнате, поздно вечером, она со своими сверстниками, в маскарадных костюмах, при двух свечах, в полной тишине вызывала дух Пушкина, свечи тогда погасли три раза.

Она неплохо играла на фортепиано; перед родителями и гостями на праздниках пела тихим грудным голосом. Одно время училась рисовать и даже лепить, но по-настоящему ее ничего не увлекло. Возможно, поэтому она интуитивно испытывала уважение к тем, кто нашел себя в профессии, и сразу, к таким людям, проникалась симпатией. И то, что НКВДшник вел себя с ней официально, и в какой-то мере холодно, совершенно не говорило о том, что, она не интересна и непривлекательна. Она прекрасно понимала - он хотел хорошо сделать свою работу и довести ее до конца: как одержимый, геолог, по косвенным признакам, ищет свою руду или как скульптор не отвлекается от начатого, пока не отсечет все лишнее от камня. Видимо, есть какие-то незримые нити: жест, взгляд, интонация, что-то близкое, но в тоже время новое – и ты на одной волне, с едва знакомым тебе человеком. Ей было, легко и спокойно, с этим простым, на первый взгляд, и немногословный чекистом, неожиданно, для нее, так удачно вошедшим в роль уголовника.

Кряжев, вальяжно откинувшись на стуле, сидел сложив руки на груди, как положено авторитетному бандюгану, и слушал Альку в пол-уха.

— А где сейчас настоящий бандит Фрукт? - с бокалом в руке Алька негромко к Кряжеву, - вдруг, он сейчас заявится... - улыбнувшись одними глазами, - и нас тут застрелит?

— Не заявится, кутузке он. Его еще утром сняли с поезда в Одинцове.

— А тот бандит, что должен подойти, наверно, сейчас сидит в зале и наблюдает за нами?

— Возможно.

Алька, наклонившись к Кряжеву, в полголоса, отчасти, с вызовом.

— И не думайте, что я всегда вот – так, запросто, соглашаюсь на всякие там… авантюры! Просто, настроилась на просмотр в театре… готовилась, а там... но, на ближних столах этого бандита – точно нет. Вот эти, - кивает на "кругленького", крупного полного мужчину, с коротким ежиком волос и солидным "загривком" на толстой шее, и, на важного военного в звании майора, – точно не похожи на бандитов. Этот военный, с красавицей блондинкой, и тот "боров" с молоденькой, наверное, заведующий какой-нибудь… базой, такие… самодовольные. А рядом с ними сидят куклы, с потухшими глазами. В стране нет частной собственности, а за столами сидят собственники, для них женщины – это вещи, которыми они владеют. Их спутницы… мечтали о любви, а стали вещью. Вот так! И я должна играть… вашу вещь.

Кряжев наклоняется к Альке, вполголоса.

— Вы обещали спеть.

Алька, несколько манерно.

— Но только учтите – эту песню я спою не для вас, а для мужчины моей мечты, возможно, что он так и останется… мечтой.

— Для кого угодно, только спойте.

Алька умолкает, бросает на Кряжева недовольный взгляд, грациозно встает и поднимается к музыкантам на сцену, что-то им говорит, и затем исполняет популярное в СССР танго 30-40х годов "Дождь идет": не громко, грудным голосом, почти речитативом.

Аккордеон и оркестр п/у Анри де Принса, Франция, солист – Ролан; 1936 г.

Музыка Г. Химмеля,

слова Б. Дубровина
"Дождь идет"

Дождь стучит по крыше,
Я его не слышу,
Я его не вижу, я все жду тебя.
Снова днем и ночью
Дождь стучит все громче,
Но ты придешь в этот дождь,
Скажешь мне любя:

Припев:
Мне так легко с тобой,
И сердце так бьется,
И снова в нем солнце, как весной!
Пусть была разлука -
Мы нашли друг друга,
Мы оба верим в любовь,
Счастье будет вновь!...

После исполнения песни в зале ей аплодируют. Алька возвращается к столику.
Кряжев, разводя руками.
— Вы прямо как…
— Певица Вера Красовицкая?
Кряжев, не уверенно.
— Да, наверное…

После исполнения песни, Алька, с чуть порозовевшими щечками, вся так и светилась, от нахлынувшего на нее, неизвестно откуда, взявшегося желания, обнять весь мир - словно, только, что на сцене, она призналась в чем-то очень личном.

— Вы должны поцеловать мне руку.

— Простите, виноват… я… - не ловко, целует ей руку.

Кряжев встает и пододвигает ей стул, на который Алька, садится, с грацией придворной дамы.

— Нет – это я дома… все ее пластики выучила. А так – у моего папы был когда-то один знакомый… концертмейстер, и я брала у него уроки. Алька, осторожно, покрутив по сторонам головой, и почувствовав себя увереннее, чем прежде, прервала появившуюся, вдруг, паузу, - Хочу… задать вопрос, - подняв свой бокал и, прищурив один глаз, глядя на НКВДшника сквозь рубиновое вино, как в прицел револьвера, со строго-очаровательным видом, - А был случай, на вашей опасной службе, - неожиданно, стушевавшись, и выйдя на секунду, из роли, она, вновь, взяла себя в руки, - когда, попав в безвыходную ситуацию, вдруг, каким-то чудом, Вы, смогли из нее выбраться?

Этот вопрос, едва не застал Кряжева, врасплох, но под прицелом обворожительных глаз, он, каким-то чудом, сумел справится, почти, не подав вида.

— Нет, про себя не скажу, да во общем… и рассказывать-то нечего. – Алька, нахмурив брови, с трудом сдерживая улыбку не отводила взгляд от, все же, попавшего под ее чары НКВДшника, - Кряжев, поведя плечами, окинул взглядом зал, вновь, откинувшись на стуле, с каменным выражением на лице, сложив руки на груди, и еле шевеля губами, продолжил, - Брали банду на явочной квартире. Ихнего главаря взяли сразу, без шума, а вот вся его банда,

как испарилась - решили обследовать близлежащий частные дома. Один наш сотрудник, одетый по гражданке, решил заглянуть в баньку рядом с соседним домом, а там, в тесной парилке, вся банда на полках лежит, в чем мать родила. За ним сразу дверь прикрыли и к нему – «Ты кто такой?», а он не растерялся и отвечает – «Пахан сказал: "Плеснуть воды на камни!"», тут же, подходит к чану с водой – и не ковш выливает, как обычно, а перевернул на камни целый чан. Ну… все, конечно, выскочили во двор, как угорелые – их тут же и повязали.

— Получается, – Алька, то глядя на свой бокал в руке, то на НКВДшника, растягивая слова, с долей сомнения, но все же выдает свое резюме, - что… он, неожиданно... их ошеломил и поставил в тупик…

— Получается так.

— И… в баню зашли… конечно, не Вы?

— Я же говорю – наш сотрудник решил…

Кряжев, еще издалека, заметил подозрительного мужчину, с колючим взглядом, сверкнувшего, у выхода, золотыми фиксами, в светлых широких брюках и темном пиджаке, чуть сдвинутым за плечи. Он шел в их сторону.

Андрей сразу подал Альке условный знак – взял, на пару секунд, со столика винную бутылку, бросил взгляд на ее этикетку и тут же поставил на место.

Проходя мимо, гражданин с золотыми зубами, неожиданно, остановился и оперся ладонью на их столик. На тыльной стороне ладони у него была набита наколка в виде паука.

— Гражданин закурить не найдется?

По едва скрываемому, сдавленному рычанию в голосе, было понятно, что эта фраза не частая гостья в его лексиконе.

Кряжев, в той же манере, развязно.

— Я не курю, но хорошего человека могу угостить, - подает Пауку из портсигара папиросу.

Паук, смерив тяжелым взглядом Кряжева и Альку.

— Благодарю.

Сминает папиросу в "козью ножку". Затем, неторопливо, идет к своему столику, недалеко от выхода, расплачивается и выходит из ресторана.

Тихий вечер накрыл, уставший от летней жары, город. Глубокие сумерки затушевали клубами черной, непроглядной краски: и зеленые бульвары, с изогнутыми волнами скамеек, на притихших дорожках, и стрелки храмовых колоколен, между угловатыми плечами уснувших зданий-великанов, и целые кварталы, как уходящие ввысь, очертания мистических скал, с прилепленными на них, как гнездами, гигантских ласточек, причудливыми балконами, и, окутанные многовековыми тайнами, тесные московские дворики, со старинными палатами.

Но, самая тягучая темень стеклась в небольшие переулки, туда, где между высокими фасадами домов, еще не было видно звезд. Вот, по такому переулку шли Кряжев и Алька, под ручку, молча, не торопливо, даже нарочито медленно, так, будто ни он, ни она не хотели дойти до той, конечной точки, где необходимо будет подобрать дежурные слова прощания и разойтись, возможно, навсегда.

В какое-то мгновение, прямо над ними, неожиданно, вспыхнула яркая звездочка, они одновременно посмотрели друг на друга, как бы спрашивая:

— «Ты видел?»

— «А ты видела?»

И тут же, где-то с верхних этажей, как по волшебству, из патефона, прямо к небу, со звездочкой, едва прикрытому, полупрозрачным облаком, как подвенечной фатой, поплыл нежный голос Веры Красовицкой.

Все стало вокруг голубым и зеленым,
В ручьях забурлила, запела вода.
Вся жизнь потекла по весенним законам
Теперь от любви не уйти никуда...

Как школьники, смущенно наклонив головы, они также продолжали идти, но только уже не двусмысленно прижавшись плечами друг к другу.

На улице почти некого. Тишину нарушил только один заблудившийся автобус, вынырнув откуда-то из подворотни, кряхтя, прокатил мимо, но тут же, где-то впереди и затих. Казалось бы, весь квартал, ради них обоих, укрывшись сумерками, как одеялом, неожиданно, провалился в глубокий сон. В густой темени переулка ничего не видно, и только между чернильными пятнами фасадов высоких домов, в свисающих снежных гроздьях еще не облетевшего пуха, проявлялись очертания застывших, как в зимней сказке, тополей. Андрей и Алька шли почти наощупь, но, когда в шаге от них на тротуаре забелела скрученная газета, ни слова не говоря, едва глянув друг на друга, схватившись за руки, они оба, со смехом, перепрыгнули через нее. Они так и продолжали идти, держась за руки, чуть покачивая ими, в такт затихающей песне из патефона.

Кряжеву, неожиданно, пришло осознание того, что он никогда еще себя так не чувствовал – «Какая-то странная, ни на что непохожая… необычная легкость» – ничего подобного с ним еще не случалось «Наверно, похожие ощущения испытывают птицы, что парят высоко в небе – такие… красивые сравнения мне еще в голову не приходили…».

Все последние годы он будто один, на плоту, дрейфовал в штурмующем море и вот… наконец, сошел на берег: на пустынный, с пальмами, диковинными фруктами и райскими птицами, желтый, песчаный остров…

Кряжев кинул взгляд на изящный и пленительный предмет своей резкой перемены, с легкой и упругой походкой – «Нет, на островитянку она точно не похожа».

Вот они проходят мимо обогнавшего их автобуса. Неожиданно из темноты — от борта машины слева и от глухой стены справа — выныривают две чёрные тени. Двое мужчин. Один бесшумно прижимает пистолет к боку Кряжева, другой подносит лезвие к боку Альки.

Седой, невысокий главарь лет пятидесяти, в сером костюме-тройке и кепке, надвинутой на самые глаза, вдавливает дуло нагана в бок Кряжева и шепчет зло, обжигая ухо гнилым дыханием:

— Живо в автобус!

Кряжев мельком ловит холодный отблеск лезвия у бока Альки — и, не делая резких движений, подчиняется.

Автобус катился по вечерней Москве, покачиваясь на ухабах. В тусклом свете плафона лица бандитов казались высеченными из тёмного камня — безжизненные и застывшие как маски.

Кряжев сидел рядом с главарем в центре салона, Алька — на задних сиденьях, вплотную к Пауку. За рулём, перекатывая в зубах папиросу, ухмылялся рыхлый водитель; из-под пиджака выбился воротник рубашки — эта небрежность выглядела нарочитой, почти вызывающей.

Кряжев старался дышать ровно, хотя сердце колотилось, где-то у самого горла. Он скосил глаза на боковое стекло и в его отражении на миг увидел Альку. Она сидела прямая, будто натянутая струна; лишь побелевшие пальцы, намертво вцепившиеся в край лавки, выдавали

страх. Паук не убирал нож — он лениво покачивал лезвием, словно это была не угроза, а игрушка, которую он крутит в пальцах от скуки.

За окном мелькали редкие фонари. Их свет на секунду выхватывал из темноты фасады домов, а потом снова бросал всё в густую тень. Автобус подбросило на выбоине, и Кряжев краем глаза снова заметил в отражении Альку — она заметно вздрогнула, но тут же выпрямилась, будто стыдясь выдать страх.

«Так вляпаться… Простейшая ситуация — впереди остановился автобус… Как я мог не прочувствовать и подставить её… Такую необычную… И такую неземную! Со мной сегодня что-то не так…? А что не так? Я влюблён?» — Кряжев в ситуации, грозящей гибелью, невольно улыбнулся одними глазами. «Вот, как, оказывается, это ощущается. Потому и контроль потерял, не заметил, расслабился. Ясно. Со мной-то понятно — это мой выбор. Её-то за что?! Но, с другой стороны, ведь почему-то мы ещё живы? Не допрос на ходу, не показательная расправа… Тогда что? Думай, думай… Они хотят... что-то узнать. Что? Да, вероятно, ищут того, кто их сливает. Стукача. Им нужно имя. Флюс. Они хотят знать про Флюса… А это уже проблема».

Кряжев чуть качнул головой, выстраивая в уме «легенду» — короткую, правдоподобную, с зазорами, которые можно будет тянуть, растягивать, выгадывая секунды. "Нужно растянуть "удовольствие". Может, появится шанс. Я — ладно. А её при любом раскладе нужно спасти».

Он чувствовал, что они движутся куда-то на окраину, в сторону Марьино, в глухой район, где крики не услышат, а следы заметёт первым же снегом.

Через полчаса автобус свернул в арку и замер у двери безлюдного двора. Водитель выскочил, отпер её ключом — и тут же метнулся куда-то в сторону, будто его подстегнули.

Первыми вошли Кряжев с главарем, следом — Алька с Пауком. Все четверо спустились, по примыкавшим к стене ступеням, в просторное полуподвальное помещение с узкими длинными окошками на уровне тротуара.

Вдоль стен виднелись очертания поломанной мебели, какие-то металлические конструкции и бумажные рулоны. В плохо проветренном помещении Кряжев сразу почувствовал еле уловимый знакомый запах специфической краски. Такой запах, когда-то исходил от фальшивомонетчика Винчи, которого он однажды доставлял в следственный изолятор: МУРовцы взяли его «тёпленьким», прямо за работой.

В помещении висела одна, тусклая, низко подвешенная лампочка, освещавшая свободное пространство, по большей части, в его центре. Все четверо подошли к свету.

Главарь оттолкнул от себя Кряжева, направил на него наган, и медленно, с ехидной улыбкой, взвёл курок.

— Ну что, легавые, споёте нам дуэтом?

Андрей смотрел в чёрное дуло нагана, будто в бездну. Но что-то подсказывало: «Сейчас не выстрелит — давно бы уже это сделал. Держаться легенды: я гражданский, с улицы, похожий на Фрукта, просто заставили. Странно всё это… Они чего-то ждут?».

В этот момент Алька, неожиданно, разразилась истеричным визгом и рванулась к Кряжеву. Голос её звучал плоско, не по-своему, пропитанный ненавистью:

— Это всё он — падла легавая! Фрукту все зубы выбил и меня чуть не задушил! Вот! — она свободной рукой отодвинула край платья над ключицей, где виднелись две царапины, оставленные директором театра. Прекрасная в своём гневе, сверкающая глазами, как загнанная пантера, Алька пыталась дотянуться до лица Кряжева ногтями.

В тот же миг на верхних ступенях лестницы снова мелькнул водитель. Он выглядел довольным, почти ликующим — будто не в подвал к бандитам спускался, а на праздник спешил.

— Это Флюс! Прокололся, «стукачок»! — выкрикнул он главарю и весело проскакал по ступеням, будто отбивал чечётку: каблуки звонко щёлкали по бетону, ритм получался рваный, нервный. На последнем такте он спрыгнул вниз, приземлившись рядом с паханом, и слегка покачнулся от собственной прыти, но тут же выпрямился, расплывшись в широкой улыбке.

Алька, тяжело дыша, на секунду умолкла. Не сводя глаз с Кряжева, она едва заметно повела плечом — будто нелепый танец водителя на секунду сбил её с накатанной роли.

И вдруг она выхватила свободной рукой наган из-за пояса Паука и с яростью наставила его на Кряжева:

— Я тебя сейчас… сама замочу!

«План меняется… Нужен новый…» — в этой резко изменившейся ситуации Андрею ничего не пришло в голову, кроме как медленно поднять руки вверх.

Паук с ножом в руке ошеломлённо смотрел на главаря.

Довольный известием, главарь хитро ухмыльнулся. После короткого раздумья он великодушно кивнул, разрешая Альке действовать.

Бандиты, не опуская оружия, отошли, взяв Кряжева и Альку на мушку.

Алька сделала пару шагов в сторону, по-прежнему держа Кряжева под прицелом.

Теперь под лампочкой выстроился зловещий треугольник: в центре — Кряжев, сбоку — Алька с пистолетом, напротив — бандиты, спиной к окнам.

Андрей без труда прочёл примитивную логику главаря: «Стукача нашли. Пусть теперь новая краля Фрукта "оторвётся" на легавом. А нужные детали она и так всё равно споёт им после базара с пристрастием».

Кряжев тут же включился в эту смертельную импровизацию. Притворяясь испуганным, он попятился к единственной лампочке, будто искал в её свете хоть какую-то опору.

И в этот миг Алька открыла огонь по бандитам.

Она успевает сделать, пару выстрелов, но промахивается.

С первым выстрелом, Кряжев, рукавом пиджака, разбивает лампочку, и, в прыжке валит Альку на пол. Падая, Алька видит, как над ней из-за спины пролетает чья-то рука с ножом. Это в полутьме, на стуле сидел еще один толстый бандит, его Алька не заметила, но его еще со ступенек "срисовал" Кряжев.

Упав с Алькой на пол, Кряжев, перехватывает ее кисть с наганом своею рукой, и, не снимая своего пальца, с пальца Альки на курке, тут же стреляет прямо в лоб толстому бандиту с ножом в руке. Главарь и водитель автобуса открывают по ним огонь.

Кряжев, оказавшись в лучшей позиции, прикрывшись навалившимся на него и Альку, убитым бандитом, хладнокровно, стреляет, как по крупным мишеням, в прекрасно различимые силуэты бандитов, на фоне подвальных окон.

Первым же выстрелом Кряжев уложил, стоящего в центре бандитской троицы, с ножом в руке, пригнувшегося и растерянного Паука, который, через пару шагов вправо, выронил нож, со стоном завалился сторону главаря и затих. Водитель, стреляя на вытянутой руке, в сторону Кряжева, так же решил двинуться к главарю, но в последний момент передумал - и метнулся в правый от себя, темный угол, но ему не хватило доли секунды – пуля Кряжева попала ему в висок.

Главарь, видя, как один за другим, сраженные НКВДшником, падают его подельники, понимая свою уязвимость и безвыходность ситуации, бросается к лестнице, по которой они спускались, стреляя без остановки в сторону Кряжева. Но, едва, он, поднявшись по ступеням, открыл дверь, обозначив себя в проеме, Андрей всадил в него две пули. Пару секунд матерый бандит еще держался за ручку двери, но потом присел, завалился назад, и, замертво скатился вниз.

В наступившей тишине Кряжев осторожно стащил с себя мёртвого бандита, секунд десять прислушивался, а затем негромко спросил у Альки:

— Вы живы?

Через пару минут Кряжев и Алька сидели на полу полуподвала, спиной друг к другу. Над ними, вдоль узких окошек плохо проветриваемого помещения, ещё стелились полосы сизого порохового дыма.

Алька, переводя дыхание и поправляя платье, негромко обратилась к Кряжеву.

— И часто вы… в таких ситуациях?

Кряжев так же вполголоса.

— По-разному… бывает. А вы смелая… и хорошая артистка.

Невероятное спасение отозвалось в Альке неожиданным образом: в её глазах вспыхнули весёлые «чёртики» — смесь азарта и ликования; и чтобы не выдать нахлынувшие чувства, она опустила ресницы и медленно повернулась к своему спасителю НКВДшнику, который, пару минут назад, не дал смерти задуть ее свечу. В груди у нее все пело - и не столько от того, что осталась жить, а что рядом человек, который ее заслонил собой, и, как озарение - с этим человеком ей совсем не хотелось расставаться.

— А вы очень метко стреляете! — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Кряжев, неловко отводя взгляд в сторону, повернулся к Альке:

— Нас… учили.

Столько лет Алька не знала, куда деть всю свою нерастраченную энергию, и теперь, когда она увидела того, кто наполнял её существование смыслом - внутри всё перевернулось. «Нет, — твёрдо решила она, — теперь я так просто не встану в этом пусть и грязном подвале. Не отступлюсь. Буду бороться — здесь и сейчас!».

— Наверно, вы были отличником? — улыбнулась она.

— Где-то был значок… — покачал головой Кряжев. — С такими актёрскими данными, наверное, все орлы… или там, как мотыльки… на вас…

— Да... - задумчиво протянула Алька. Еще с первого взгляда, в театре, она поняла, что им обоим, уже не разойтись, как двум, идущим, на всех парах, навстречу друг к другу, в пьянящем тумане, пароходам. Она выпрямилась на коленях, и глядя, с улыбкой, Кряжеву прямо в глаза, продолжила - но, где-то на подлете… они… все сгорают, одна труха и остается… - Оставаясь на коленях, она наклоняется к Кряжеву, и кладет руки ему на плечи, - Знаешь кто ты? — ее голос её дрогнул от внезапной откровенности.

Кряжев непонимающе пожал плечами.

— Ты — мужчина моей мечты.

Андрей взял её руки в свои и неловко попытался остановить, будто сам не знал, что делать с этой внезапной правдой. Но Алька, проникновенно глядя на него и улыбаясь, поочерёдно сняла обе его руки вниз. Потом обхватила ладонями его лицо и неожиданно прижалась долгим поцелуем к его губам — не из кокетства, а из отчаянной потребности почувствовать тепло близкого человека.

Кряжев не сразу, но прижал её к себе. Потом, не сговариваясь, они положили головы друг другу на плечо.

Проходит минута, две... Никто из обоих не хочет отрываться первым. Как будто, если они отпустят руки и разомкнут объятия - вмиг разрушится - То, что они оба всю жизнь искали, но не признавались сами себе, наконец нашли, и могут в сию минуту – Это, потерять.

Алька прошептала, словно они были знакомы уже тысячу лет:

— Я тебя напугала?

Кряжев тихо ответил:

— Нет. Но, наверно… это и называется любовью.

Алька счастливо улыбнулась и вновь крепко прижалась к Кряжеву.

Наконец они вышли на вымершую, без единого фонаря, безлюдную улицу. Вдалеке, у перекрестка, выглянувшая из облака луна, пролила свет на приоткрытую дверь телефонной будки с разбитыми стеклами.

Кряжев снял трубку автомата.

— Григорий Лукич? Нет… мы в порядке. Похоже на подпольную типографию… в смежном помещении... подвал... Марьинская, семь. Всё нормально. Три трупа. Тот, что с «пауком» на руке, ещё живой. Жду.

Он с облегчением повесил трубку.

Глава третья. Любовь

— А ты говоришь не танцевали, вон как умаялись! - глядя на снимающего трупы бандитов в подвале, с фотовспышкой, штатного фотографа, довольный Григорий Лукич, смачно хлопнув по плечу, поддел своего здоровенного оперативника.

— Да ничего я не говорил, товарищ майор, — снова протянул Корнеев своим тягучим голосом, но теперь уже с улыбкой.

Федин долго жал руку Андрею. Хотел, конечно, приобнять, да так и не решился.

— Спасибо тебе и Пашке, - смутившись, - комиссару Государственной Безопасности третьего ранга! – Федин, по искрящимся от счастья, у Альки и Кряжева, глазам, сразу все понял, и опять, в некотором замешательстве, - даже и подумать не мог, что такая «петрушка» получится — просто камень с души. — И, уже по-отечески глянув на Андрея и Альку, добавил: — Такая пара — на загляденье! Никогда бы себе не простил!

А затем, воодушевлённо, будто на митинге, но при этом искренне и по-дружески, произнёс:

— Всегда рад помочь — всем, чем смогу. В любое время и по любому вопросу!

Было ясно, что эти слова обращены не только к Крапивину, но в большей степени, к самому Кряжеву.

Тут же, по-суворовски резко, раздался его оклик:

— Егорыч!

Появился водитель Григория Лукича — чем-то похожий на своего начальника: тех же лет, с такими же усами, но, в отличие от него, немногословный. С небольшой одышкой, с промасленной тряпкой в руках; однако, обратился бойко, как положено, хотя, несколько озадаченно:

— Я здесь, Григорий Лукич!

Федин, не отрывая взгляда от Альки и Андрея, торжественно и широко улыбаясь.

— Доставь эту молодую пару домой — в лучшем виде!

Наконец, поняв настрой своего начальника, его водитель, в том же духе, не опуская планку, чётко ответил:

— Будет сделано, товарищ майор!

Егорыч знал своё дело. Он аккуратно, словно вёз что-то очень ценное, коротким путём доставил Кряжева и Альку к «бульварному». Но, остановившись у Скатертного переулка, чуть ли не взмолился:

— Простите, товарищ капитан, но боюсь, на обратную дорогу горючки не хватит.

— Спасибо, здесь уже недалеко, — звонко успокоила его Алька с заднего сиденья.

Кряжеву показалось, что она уже задремала у него на плече, но ему было приятно слышать её чистый голос. Он напомнил ему грудной голос матери, когда она в детстве укладывала его спать на тёплой русской печи.

Укрыв лоскутным одеялом и прижав к себе на толстой медвежьей шкуре, мама рассказывала одну и ту же сказку про Котика-братика, Петушка и Лису: «Несёт меня лиса в тёмные леса, за крутые горы!»

Слушая её певучий голос, он надеялся, что в конце Котик-братик всё-таки догонит Лису и спасёт Петушка. Но конец сказки всегда был печальным.

Всякий раз, проваливаясь в сон, он представлял себя вместо Котика-братика, который из всех сил пытается догнать хитрую Лису, смерти-косу, и отнять у нее, но… не Петушка гребешка, а свою забавную младшую сестричку, которая кликала его «Лейка», не умея еще выговорить имя Андрейка. Она умерла от тифа в четыре года.

Сейчас, слушая голос Альки, Кряжев вдруг почувствовал, как внутри что-то сжалось — будто тот самый детский страх, давно упрятанный в дальний угол, снова подступил к горлу. Ему стало страшно не за себя, а за неё — за эту звонкость, за лёгкость, за то, как она ничего не боится, потому что ещё не знает, как быстро всё может оборваться.

В памяти всплыло не столько лицо сестры, сколько её смех — короткий, как вспышка, и тут же погасший. И запах больницы, который тогда он не понимал, а теперь узнавал мгновенно: запах беды, запах необратимости.

«Только бы ей не пришлось так же», — подумал он и крепче прижал Альку к себе, будто этим простым движением можно было удержать время.

Водитель, уже повеселев, добавил:

— Там я бандитский бензин солью из автобуса — у них бак почти под завязку.

Погружённые каждый в свои мысли, но счастливые, Кряжев и Алька шли по ещё оживлённым московским улицам, держась за руки, не говоря ни слова. К редким прохожим, неожиданно, добавился бурный поток зрителей, вывалившихся из дверей кинотеатра «Художественный» после последнего сеанса.

Над входом горела афиша — яркая, почти вызывающая на фоне сгустившейся темноты. На ней Александр Невский вздымал коня на дыбы, и его меч, словно вспышка, отсекал рог на ведёрном шлеме крестоносца. В этом резком свете последние зрители казались кнехтами, в панике разбегающимися во все стороны после проигранной битвы.

Через несколько минут Алька и Андрей свернули на тихую улочку и подошли к подъезду. Тот будто врос в землю от многолетних наслоений грунта и асфальта. Его аккуратно обнесли полукольцом невысокой «плотины» из того же асфальта — чтобы в подъезд не затекала дождевая вода.

Кряжев неожиданно понял, что они уже пришли.

— Вы сказали, что совсем недалеко, — попытался он произнести фразу нейтрально, но вышло не очень убедительно.

Алька, всё понимая, улыбнулась и сделала полукруг вокруг себя:

— Когда я волнуюсь, могу немного и приврать. Вот мой подъезд.

Здесь Алька слегка лукавила: волнение, конечно, было, но совсем другое — то, о котором она давно грезила в своих снах, а проснувшись, хотелось плакать, как маленькой девочке. Близких подруг у неё не было. Не было и мамы, с которой можно было бы по вечерам помечтать и посекретничать. А с ним ей было ясно и легко. С ним она впервые интуитивно почувствовала свою женскую природу, её предназначение — тот самый таинственный, манящий и притягательный смысл.

Кряжев протянул Альке руку и с трудом выдавил:

— До свидания.

— Нет-нет, я тебя никуда не пущу! — Алька, улыбаясь, шагнула навстречу и вдруг решительно схватила его за обе руки. — Нет!

Кряжев тоже попытался улыбнуться:
— Со мной ничего не случится.

— Всё, на сегодня достаточно приключений! Зайдём, выпьем чаю. Я познакомлю тебя с папой. Поспишь у нас в гостиной, а утром я тебя отпущу.

Алька и Кряжев вошли в подъезд, с узорным полом, мраморными, в паутинках трещинок, ступенями, и поднялись на второй этаж.

Алька позвонила в высокую двустворчатую дверь с латунной табличкой: «Профессор Горский Д.С.»

Дверь открыл сам Горский, отец Альки: шестидесяти четырех лет, невысокий, с чувством юмора, суховатый мужчина, с небольшими усами и "чеховской бородкой", на нем поверх светлой рубашки в полоску и брюк, одет кухонный фартук.

Увидев в проёме Альку, Горский с лёгкой иронией бросил:
— Наверное, целый спектакль отыграла! У меня там подгорит! — и скорым шагом ушёл на кухню. Оттуда донёсся его голос: — Это, наверно, была любовная драма!

Алька, скидывая туфли в прихожей, горько усмехнулась:
— Папа, это был вестерн! — но Горский её уже не слышал.

Кряжев вдруг с пронзительной ясностью, до звона в ушах, понял, что попал в совершенно иной мир. На стенах квартиры теснились книги, дипломы, фотографии Горского с коллегами-учёными — на конференциях, в лабораториях. Он удивлённо глянул на Альку:
— Ваш отец — учёный?

— Да, — громко ответила она, — мой папа всё пытается расщепить какие-то молекулы!

Тут из кухни появился Горский с полотенцем в руках и с наигранной строгостью поправил:
— Не молекулы, а атомы! Сколько раз тебе говорить!

Он перевёл удивлённый взгляд с дочери на Кряжева:
— И потом… в Москве, наверно, снег пошёл?

Алька, вешая на плечики пиджак Кряжева, недоумённо пожала плечами:
— С чего бы это?

— Чтобы ты, в кой-то веки, появилась в доме с молодым человеком! Да ещё в таком настроении!

— Папа! — с нарочитой строгостью оборвала его Алька.

Горский, вытирая руки полотенцем, лукаво прищурился:
— У тебя всё написано на лице.

— А у тебя всё написано в расчётах, - парировала она, с очаровательной легкостью, - а эти молекулы почему-то не расщепляются!

— Атомы! — махнул он рукой. — Всё бесполезно! — и отложил полотенце.

Алька вдруг, как в детстве, бросилась к отцу и крепко прижалась к нему.
— Просто… одному человеку нужно переночевать до утра, — она поцеловала отца в щёку. — Папочка, он спас меня… от уличных хулиганов.

Кряжев неловко переминался с ноги на ногу:
— Это ещё вопрос, кто кого спас.

Горский крепко обнял дочь:
— Моя Алька себя в обиду никому не даст — это я знаю точно!

Никогда прежде Кряжев практически не терял самоконтроля, но сейчас он, словно во сне или на сеансе увлекательного кино, даже не заметил, как оказался за одним столом с Алькой и Горским в гостиной. И вот, перед ним уже разрезанный пирог, чай в стаканах с подстаканниками.

Голос Альки вернул его к реальности:
— Готовить — это любимое увлечение моего папы, — она нарезала кусок пирога и подала Кряжеву. — Ну, когда он не на работе в своём институте.

Горский протянул Андрею чашку:
— Я по большей части теоретик… в области изучения ядра. В последнее время, у нас, в физическом институте, по ряду причин, все практические работы в области ядерной физики почти прекращены. Но на своей кухне я — как Курчатов в своей лаборатории в Ленинграде! Бывает, что и на кухне происходят не менее интересные процессы!

Алька сморщила носик:
— И раз в три дня там, — она кивнула в сторону кухни, — что-нибудь сгорает!

— В науке неудачный опыт — это как вдох или выдох, — Горский потряс пальцем. — Нельзя ведь только вдыхать или выдыхать! Даже у самых великих людей обязательно было своё хобби. Кстати, Леонардо да Винчи был превосходным кулинаром. Вот!

Алька иронично хмыкнула:
— Папа — кулинар… Да, папа вообще готов не выходить из своего института. Просто дома без своей работы он как рыба на берегу — вот и нашёл себе занятие.

— Как сказал Гёте, — Горский произнёс по-немецки: «Geben Sie dem Menschen das Ziel, für das man zu leben braucht…» («Дайте человеку цель, ради которой стоит жить…»).

Но не успел он закончить цитату, как Кряжев неожиданно, продолжил ее на немецком:
— «…und er kann in einer beliebigen Situation überleben». («…и он сможет выжить в любой ситуации!»)

Горский удивлённо приподнял брови:

— Вы владеете немецким?

— Не совсем. Просто немецкий язык — моя специализация.

Внезапно Горский резко сменил тему, переводя взгляд с Кряжева на Альку и обратно:
— Вот так оказия… Алька, ты ведь нас так и не познакомила.

Вопрос застал Альку врасплох.
— А… мы…

Повисла неловкая пауза. Неожиданно Кряжев встал и протянул руку Горскому:
— Андрей.

Горский тоже поднялся, неловко протянул руку:
— Горский… Дмитрий Сергеевич. — Он глянул на Альку и растерянно развёл руками. — Моя дочь, Алька…

Алька встала, едва сдерживая улыбку, и через стол протянула руку Кряжеву:
— Алька.

Кряжев ответил на рукопожатие. Они замерли чуть дольше, чем требовалось, глядя друг на друга так, будто заново узнавали один другого, почти не скрывая восторга и удивления от происходящего.

Горский, наблюдая за ними, медленно опустился на свой стул.

Через полчаса Кряжев лежал на диване в тёмной гостиной Горских — в рубашке и брюках, заложив одну руку под голову, с открытыми глазами. Он с трудом «переваривал» события прошедшего дня, а особенно — этого вечера, который ещё не закончился.

В гостиной мелькнула неяркая полоска света, затем послышались лёгкие шаги. Это была Алька в сорочке. Она бесшумно, словно кошка, присела на диван рядом с Кряжевым и, склонив голову, посмотрела ему в глаза. Потом обеими руками взяла его ладонь, прижала к своему лицу, закрыла глаза и, улыбаясь, несколько раз поцеловала её. Затем встала, мягко потянула его за руку и, не переставая улыбаться, повела за собой в свою спальню.

В спальне было темнее, чем в гостиной, но не совсем черно. Лунный свет ложился на подоконник, выхватывал край кровати, фарфоровую балерину на тумбочке — Алька так и не сняла её, и теперь фигурка казалась маленьким молчаливым свидетелем.

Алька остановилась у кровати, повернулась к Андрею и поцеловала его — долго, без спешки, будто этим поцелуем хотела сказать всё, чего не успела произнести за всё время, пока они были рядом.

— Я так долго тебя ждала… А знаешь, почему я согласилась пойти в ресторан?

— Не знаю.

Алька отстранилась, заглянула ему в лицо, потом снова прижалась к его груди.

— Просто захотелось быть рядом с тобой. И пела я… для тебя.

Она медленно опустила лямки сорочки, и ткань, мягко струясь, скользнула вниз, обнажая плечи. Взяв Кряжева за руки, Алька села на кровать и потянула его к себе.

Глава четвертая. Суровая необходимость

Утром Кряжев закрутил кран с водой в санузле Горских, вытер полотенцем лицо и руки, вышел из ванной и осторожно направился к прихожей. Но из приоткрытой двери кухни его негромко окликнул профессор Горский:

— Уже спешите на работу?

Кряжев так же тихо ответил:

— В общем-то… у меня сегодня отгул.

— Тогда вас ждёт не только волшебная овсянка, но и красавица глазунья со шкварками! — обезоруживающе улыбнулся Горский. — Прошу!

Кряжеву, в этих стенах, все было так ново и так потрясающе интересно, что он даже и подумать не мог отказать в просьбе такому необычному, обволакивающему радушием, ученому человеку.

Андрей прошёл в просторную кухню, залитую чистым, бодрым утренним светом из высокого окна. Ему показалось, будто он попал не на кухню, а в особую лабораторию: вместо колб — сковородки, вместо реактивов — специи и масла, расставленные по полкам с педантичной точностью. На стене висели схемы, исчерченные стрелками. На столешнице стояли аналитические весы с делениями до сотых долей грамма, а рядом — стеклянные банки с этикетками: на них аккуратным почерком были выведены не названия круп, а формулы и пропорции.

Горский в кухонном фартуке усадил Кряжева за стол. Он нарезал хлеб, засыпал в кастрюлю овсянку и время от времени помешивал её — всё делал аккуратно, бережно и расчётливо, словно проводил химический опыт. Сосредоточенно резал ломтиками сало и лук, а когда на сковороде сочно запыхтели золотистые шкварки, разбил яйца.

Кряжев заметил фотографии в большой рамке за стеклом над столом и небольшую иконку Георгия Победоносца на полочке в углу, у окна.

Горский кивнул на фотографии:

— Это мы в лаборатории Курчатова, в Ленинграде, — проводили опыты на первом в Европе циклотроне. А это у нас, в «физическом»: здесь мы изучаем данные, полученные из Радиевого института. Это я, а рядом — Аркаша Митрохин, наш молодой сотрудник. Он дольше всех ухаживал за моей Алькой. А это, — Горский показал на дореволюционную фотографию, где они гуляли в парке, — я со своей покойной женой, Наташей.

Андрей был потрясён и очарован отцом Альки. Но опыт подсказывал: личную симпатию к делу не пришьёшь. Профессор, конечно, стоял на стороне науки, но и наука, в свою очередь, всегда оказывалась на чьей-то стороне…

Он уже знал: Алька поселилась в его сердце навсегда. Теперь нужно было подстраховаться: остановиться и трезво, на несколько ходов вперёд, просчитать ситуацию. Круг общения чекиста, а тем более такого близкого — с семьёй профессора-ядерщика, — будет досконально известен компетентным органам. Надо быть готовым ко всему.

Глядя на дореволюционное фото, Андрей не стал ходить вокруг да около и спросил прямо:

— Тоскуете по старому времени?

— Если честно… Советская власть, по моему мнению, — это суровая необходимость.

— И в чём, по-вашему, заключается эта суровая необходимость?

По тому, как профессор преобразился и отошёл к окну, было видно: вопрос не застал его врасплох, но явно задел за живое. Дмитрий Сергеевич уже не раз размышлял над этой сложной темой, и ответ у него сложился. Развернувшись к Кряжеву, он заговорил сразу:

— Монархическая форма управления аграрной империи с её тяжеловесной и неповоротливой бюрократией, с огромной пропастью между бедными и богатыми, с рудиментами ещё со времён крепостного права — вроде этих вечных «ломаний шапок» и поклонов перед благородными особами — просто не отвечала современным вызовам прогресса! Новая форма правления — советская власть, стала той самой связующей субстанцией, которая не дала развалиться дряхлеющей империи. Это всё равно что спасти больного на операционном столе. Да, было болезненно, пролито много крови, но та новая сила, что влилась, дала именно тот толчок развития России, который был необходим. За два десятилетия из аграрной страны мы превратились в индустриальную державу, получив неслыханные ранее технические возможности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.